

На горной тропе поднималась мелкая пыль, и монашеское одеяние Учэня насквозь пропиталось потом, плотно прилипнув к спине. Тканевые лямки тележки глубоко врезались в ладони, оставив на коже тонкие кровавые следы, но, глядя на бледное лицо Чи Синя в тележке, он лишь прибавил шаг. Сначала я применю технику, чтобы подавить твои раны, а когда найдем лекаря, займемся лечением всерьез. Сказав это, Учэнь коснулся раны на теле Чи Синя, и его ладонь озарилась мягким золотистым светом.

Чи Синь нахмурился, чувствуя, как сила Будды течет по его меридианам, а затем внезапно ухватил Учэня за запястье: Маленький наставник, я проголодался, хочу есть.

Учэнь взглянул на его бескровные губы и указал на дикие плоды у дороги: Здесь есть лесные ягоды, они сладкие и могут на время утолить голод.

Я не хочу ягод, — Чи Синь отвел взгляд, его кадык дернулся. — Я хочу мяса. В лесу вдалеке слышалось хлопанье крыльев фазана, и его взгляд невольно устремился туда.

Рука Учэня, сжимавшая посох дзэн, замерла. Горный ветер развеивал его белоснежные полы одежды, на лице промелькнуло смятение: Буддийские заповеди запрещают...

Я знаю, — Чи Синь разжал пальцы и криво усмехнулся, глядя на световые пятна, просачивающиеся сквозь листву. — Просто вспомнил, как в детстве ты тайком оставлял мне тофу, а сам грыз сухие лепешки... — Его голос становился все тише, и последние слова растворились в ветре.

Ресницы Учэня дрогнули, воспоминания нахлынули подобно приливу. В те годы в монастыре Фаньтянь Чи Синь часто вот так же капризничал, выпрашивая лакомства. Опустив взгляд на бледные губы Чи Синя, он наконец тихо вздохнул: Отдыхай, я пойду посмотрю.

Когда он вернулся с фазаном в руках, Чи Синь сидел, прислонившись к стволу дерева, и тихо посмеивался, а в глубине его глаз то появлялись, то исчезали демонические узоры. Маленький наставник, ты совершил убийство? — он намеренно подался вперед, и его горячее дыхание коснулось уха Учэня. — Не боишься нарушить обет?

Твои раны слишком тяжелы, тебе нужно подкрепиться, — Учэнь отвернулся, и его уши покраснели. Он повернулся к костру, который сам же и развел. — Сила Будды может лишь защитить сердце, для внешних ран нужны лекарства. Поешь сегодня, но больше так не делай. Отблески пламени падали на его профиль, озаряя линию подбородка теплым золотом.

Чи Синь наблюдал за тем, как неловко Учэнь возится с едой. Видно было, как дрожат руки монаха, когда он пытается оглушить фазана камнем, как неуклюже он ощипывает тушку, сдирая кожу на костяшках пальцев о грубую породу. Чи Синь, прислонившись к дереву, смотрел, как этот человек с покрасневшим лицом ведет борьбу с птицей, и из его горла вырвался тихий смешок. Опираясь на ствол, он поднялся — походка его была нетвердой — и выхватил фазана из рук монаха: С такой неуклюжестью ты и до рассвета не справишься. Он повернулся спиной, скрывая свои движения от Учэня, и с помощью припрятанного короткого

клинк быстро ощипал и выпотрошил добычу. Когда вспыхнуло пламя, запах жареного мяса смешался с ароматом сосновой смолы.

Чи Синь оторвал шкварчащий кусок мяса и протянул Учэню: Маленький наставник, уверен, что не хочешь попробовать? — видя, что тот тут же отвернулся, он подразнил его куском мяса. — Говорят, спасти человека нужно до конца. Ты вытащил меня из руин, неужели теперь хочешь уморить голодом?

В лесу слышалось только шипение жарящегося мяса. Учэнь смотрел на танцующие языки пламени и, сложив руки в молитвенном жесте, принялся вполголоса читать сутры, чтобы успокоить душу птицы. Чи Синь откусил большой кусок мяса, но краем глаза все время следил за порозовевшими мочками ушей монаха. Те слова о прошлых годах, что едва не сорвались с языка, он с силой проглотил вместе с едой.

Маленький наставник, как ты думаешь, в этом мире... — внезапно начал Чи Синь, бросив кость в огонь и глядя, как разлетаются искры, — действительно ли есть люди, которые рождены, чтобы умереть?

Ветка в руках Учэня замерла, пламя отражалось в его глазах: Человеческое сердце сложно, добро и зло разделяет лишь один миг. Но если в сердце живет милосердие...

Когда Учэнь поднял голову, он на мгновение встретился взглядом с кроваво-алым блеском в глазах собеседника. Он сжал в рукаве ставшую горячей половинку буддийских четок и тихо произнес: Будда говорит, что у всех существ есть причина и следствие. Злые поступки можно исправить, а добрые помыслы вечны.

Чи Синь вдруг громко рассмеялся, испугав ночных птиц на верхушках деревьев: А как же те, кого похищают практикующие путь демона? Те, в кого насильно вливают демоническую энергию? — он подался вперед, и ветер от его движения всколыхнул край одежды Учэня. — У них даже выбора не было!

Разве они родились злодеями?

Даже если так... — Учэнь постарался сохранить спокойствие и протянул флягу с водой. — Пока в сердце живет добро, в конце концов...

Чушь собачья, — усмехнулся Чи Синь, жадно напиваясь. Капли воды стекали по его шее под одежду. — Когда мои раны заживут, я снова пойду убивать и жечь. Он специально напустил на себя свирепый вид, но, отвернувшись, украдкой спрятал улыбку — это знакомое увещание было так похоже на того маленького послушника из Павильона Собрания Сутр, который бегал за ним, читая буддийские писания.

Когда луна поднялась над верхушками деревьев, Учэнь настоял на том, чтобы караулить ночью. Он смотрел на спящее лицо Чи Синя и, словно в забытии, протянул руку, чтобы

коснуться того самого шрама. В тот миг, когда пальцы почти коснулись кожи, Чи Синь внезапно перевернулся, зарываясь лицом в рукав, и пробормотал: Маленький наставник... не балуйся...

Учэнь резко отдернул руку, сердце его забилося, словно барабан. Горный ветер пронесся по лесу, задев рассыпанные буддийские четки, но монах не заметил, что Чи Синь в темноте открыл глаза. В этих глазах отражался силуэт Учэня, окутанный лунным светом, — взгляд его был полон такой нежности, что, казалось, она вот-вот польется через край.

<http://bllate.org/book/25818/3085656>